

Доклад 14. Русская философия как выход за пределы

Валентин Владимирович Куклев

Коуч, бизнес-тренер, футуролог, философ, писатель, поэт,
член правления Союза литераторов России, член совета директоров
и эксперт футурологической группы «FUTURA».

Я изменил тему своего доклада, так как для меня Идея есть всегда повод задуматься о вечном. О вечных идеях, вечных смыслах, как работает высокая духовность, как она материализуется. Возникает такая важная вещь, как проверка, верификация идей. Работает она или не работает? Можно проверить многие вещи – счета в банке, честность, можно проверить преданность. Идеи, как любовь, очень трудно проверить. Поэтому я и хотел сегодня затронуть то, как можно понять Идею, увидеть ее устройство, структурные составляющие. Для этого я вспоминаю о таком исследователе, как Дюран. Он предлагал рассматривать Идею через *mythos*. Именно миф и производит смыслы и создает образы. Вот по Дюрану образы бывают диурные (дневные) и ноктиурные (ночные). К ноктиурным можно отнести теневые стороны Идеи. Тень важна даже не как антитеза, а как важная составляющая, которая всегда следует за Идеей, за духовностью, хотим мы того или нет.

И естественно, у нас всегда есть интерпретация этих образов, этих смыслов – я имею в виду тему ноктиурна и диура и тех образов, которые воспроизводит в нашем ежедневном бытии Идея. В каких-то случаях это требует доказательства, но это всегда работает до того, как мы начинаем доказывать. Она есть как бы изначальная составляющая, многие образы, в частности те же русские идеи, как-то работали изначалью. Многие философы, может, даже не до конца осознавали это, русские философы, такие как Петр Яковлевич Чаадаев, как-то не до конца понимали эти процессы. Для Чаадаева было более важно, чтобы не обрушились какие-то горизонты Идеи. Последующие исследователи русской идеи старались обратить эту изначальность.

Для этого, конечно, необходимо понимать, как работает идея, если она, к примеру, из области идеологии начинает свое путешествие, свое

движение. Естественно, что тут она маскируется симуляторами, фейками, маскирует реальность. Это очень болезненный вопрос, однако эта же фейковость сводит всю эту глубину к одному знаку, превращает все эти сложные структуры в один знак.

Если следовать строго научным подходам, то необходимо создать понимание словаря. Чтобы понимать Идею, важно создать тезаурус, то есть личный словарь. Часто мы значение идей, идеологии, фейков задаем употреблением, буквальным значением, по Людвигу Витгенштейну. Значение слова задается не словарным его значением, никто не будет каждый раз искать справку в словаре Даля и как в разных культурах эта идея устраивается. Все, скажем, публичные люди будут скорее держаться за употребление. Особенно это понятно, когда мы создаем через свое видение, через свое восприятие или интерпретацию ту или иную картинку. Мы пользуемся какими-то общими характеристиками, которые приняты в социуме, в культуре. Для нас это вещи достаточно обычные, потому что свои идеи мы выражаем на бытовом языке, что всегда создает искажения. Получить некое подлинное понимание идеи достаточно трудно. Смысл, который мы получили во время появления идеи, уходит так же быстро, как и появляется.

Чтобы прийти к простоте мысли, необходимо хорошо прокопать эту сложность, которая возникает вместе с идеей. Обычно этим никто не занимается, особенно в политике, где важен первый, поверхностный слой манипуляции образами и значениями. Множественность, которая возникает после опоры на какую-то основную доминантную мысль, помогает раскрыть нам идею, в дальнейшем требующую артикуляции и развития. Это поможет донести центральную составляющую идеи, таким образом метафорично «возвращая ее домой».

Говоря о русской идее и русских философах, возникает вопрос о том, как их идеи в эпоху Нового Времени, эпоху неопределенности системы артикулировать, определить и применить в будущем. Возвращение русских идей может помочь в ориентации, ориентации русского сознания на Восток, Запад, Север или Юг. Однако также важна задача остаться в некотором центре и, посмотрев в зеркало, понять, что у нас есть. Во многих исследованиях данный вопрос избегается, многие не хотят видеть то, что есть. Идея всегда связана с мечтой, и людям хочется иметь то, чего нет. И потому Запад по-своему определяет идеи, более гносеологически. Как и Восток, который дает более жизненно-ориентированные идеи. Пока Запад и Восток дискутируют, Восток заваривает чай.

Следует сохранять здравомыслие как целевую меру Идеи. Это не получение каких-то стандартов или рецептов. Русская идея склоняется

к синтезу, что мы видим на примере тех же евразийцев. При этом хотелось бы заметить, что первостепенно встает вопрос о том пространстве, что мы населяем, и о том пространстве, в котором мы хотели бы жить. Естественно, что все хотели бы жить в благополучном и счастливом пространстве, однако что-то идет не так. Понять, где происходит цивилизационный слом, – непростая многогранная задача. На нее влияют и метафизика, идеи о космосе. Также важно присутствие вечных идей о бессмертии и воплощении бессмертия в мире. Понять, где происходит тут цивилизационный слом, задача достаточно непростая, метафизическая, мистическая и эфемеридная.

Как это могло бы работать? В моем понимании идея о бессмертии находит свое отражение в героических мифах Греции, где герои не умирают, а становятся полубогами (или даже богами). А боги не умирают, умирают только люди.

Восток дает более конкретные модели того, как можно работать с Духом. Здесь более важно то, как человек сам для себя определяет отношение к духовности, насколько он готов жить в семантике, что означает, как я говорил ранее, необходимость создания и расширения своего словаря. Также человек должен научиться находить немотивированные слова, ведь лишь они могут находиться в оппозиции к идеологии, которая всегда ищет мотивированное слово. Поиск свежей семантики, новых слов и смыслов, которые поднимали бы человека и давали бы ему новый взгляд на жизнь – и есть тема исследования русского духа и духа в целом. Я считаю, что эволюционно мы все стремимся к универсальному Духу, единому для всей Земли. Будущий мир для меня не буддистский, не христианский, не иудейский и не исламский. Он строится уже на других основаниях, которые в данный момент не очень понятны. Мир без симулякров и иллюзий, мир, в котором должен находиться человек по праву своего рождения. Это единственное и самое важное предназначение человека – быть в своей подлинности. Однако все так устроено, что в разные периоды жизни и от разных социальных матриц человек оказывается отрезанным от этого. И либо он становится как все и принимает конвенции общества, либо он ищет себя, свой мир и свой язык, свою тему. Ведь именно тема определяет жизненный путь человека, его смысл.

Доклад 15.

«Настоящность» русского мировоззрения в русском мировоззрении

Екатерина Евгеньевна Звонова

Кандидат философских наук, доцент Департамента гуманитарных наук Финансового университета при Правительстве Российской Федерации, член-корреспондент Российской академии естественных наук.

Мне так нравится это слово – собор, потому что оно сразу располагает к соборности.

Я очень хорошо помню, когда я поняла, что я какая-то не такая, как другие люди, потому что я русская. Это было в 11 классе, и я писала эссе для того, чтобы поучаствовать в международной олимпиаде по философии. Вместе со мной его писала девочка из Германии. Интересная у нее жизнь. Она выступала за Россию, но, по сути, была представителем немецкой культуры. Отец у нее был дипломатом, она воспитывалась в немецкой традиции, училась в школе при немецком посольстве, при этом в России. Я помню, что когда наши эссе анализировали проверяющие, то было сказано, что у меня взгляд на вещи типично православный, а у нее типично протестантский, притом что мы были из светских семей. (То есть мне не прививали определенные религиозные ценности.) И я поняла, что культура, окружающая меня, устроена так, что она делает очевидным для меня то, что совсем неочевидно. А для других людей, представителей других культур, очевидны другие вещи.

Когда ты ребенок, то для тебя это целое открытие, и я попыталась проанализировать – что такого в моей работе отличного в культурном смысле. И хотя там было упомянуто православие, я, как человек из светской семьи, не очень представляла, что это, на глубоком уровне. Я бы, если бы сама характеризовала, что это, я бы сказала, что это настоящность. С моей точки зрения, это интегральное понятие, которое проявляется именно в русском мировоззрении на всех уровнях. Начиная с гносеологии, все мы живем в настоящем времени. У нас есть три времени, в английском – шестнадцать. Все они тяготеют к настоящему. Мы можем о будущем говорить «иду я по улице», о настоящем. Даже на уровне языка, когда нечто реально, оно в настоящем.